

ГЛАВА 1

Шесть часов тёплого летнего вечера. Мы с Рамзи Рахманом таращимся на задний вход в развлекательный центр «Испанский Город», не решаясь постучаться. Мистер Мэш только что сожрал эскимо, которое кто-то уронил на тротуар, и теперь облизывается: он не прочь полакомиться ещё одним. Даже деревянную палочку слопал.

В белой стене перед нами — массивная стальная дверь в два человеческих роста, одна из тех, которые настолько велики, что в них врезают ещё одну дверь нормального размера. В середине нормальной двери — кажущейся здесь совершенно не к месту — приделан металлический дверной молоток, который прекрасно смотрелся бы на двери особняка с призраками. Молоток зелёный, в форме головы оскалившегося волка.

Мистер Мэш смотрит вверх, на волчью голову, и щерится, но рычать не рычит.

За углом, на набережной, прогуливаются мужчины в шортах с детьми в колясках; по береговой

дороге, рокоча, проезжают машины с затемнёнными окнами; а по велосипедной дорожке катаются люди на великах из бесплатного проката. Рамзи тычет меня в бок и кивает на старшую сестру Саскии Хеннесси в одних только бикини, шлёпанцах и мурашках, шагающую к пляжу со своими друзьями. Я опускаю голову: не хочу, чтобы меня узнали.

Небо над нами ярко-синее, каким бывает ближе к вечеру, а погода такая жаркая, что даже чайки укрылись в тени. Рамзи, как обычно, пританцовывает от радостного волнения, и я чувствую, что должна его успокоить.

— Рамзи, — терпеливо говорю я. — Мы просто навещаем пожилую леди. Она, скорее всего, одинока и хочет угостить нас чаем со сконами или чем-то таким. Показать фотки своих внуков. Мы немного побудем вежливыми, а потом сможем уйти на все четыре стороны. Это *не* приключение, если только ты не очень странный человек.

Рамзи смотрит на меня взглядом, в котором читается: «Но я *и есть* очень странный человек!»

Наконец я поднимаю волчью голову — шарниры у неё прямо на челюстях — и ударяю ею о дверь один-единственный раз. Резкий стук отдаётся куда более громким эхом, чем я рассчитывала, и Рамзи подпрыгивает.

Его глаза сияют от волнения, и он шепчет мне: — Чай, сконы и *приключение!*

Доктор Преториус, должно быть, поджидала нас, потому что стоило мне постучать, как мы услышали

скрежет нескольких открывающихся задвижек, и дверь с очень удовлетворительным скрипом распахнулась. (Я вижу, как улыбается Рамзи: он был бы очень разочарован, если бы дверь *не* заскрипела.)

Теперь, чтобы его восторг стал полным, *должен* был бы раздаться раскат грома, а вспышка молнии — осветить доктора Преториус в длинной чёрной мантии, произносящую: «Приветствую вас, смертные» или что-то в таком духе.

Вместо этого кругом по-прежнему ярко, солнечно и даже ни чуточки не пасмурно, а на докторе Преториус — длинной и тонкой, как кошачий хвост — тот же суконовый пляжный халат, что был сегодня утром, когда мы встретились.

Она говорит лишь:

— Привет, — со своим гортанным американским акцентом. Только это: «Привет».

Потом она поворачивается и идёт внутрь помещения, похожего на огромный тёмный склад. Своей пушистой седой причёской и стройным тёмным телом она напоминает мне волшебную палочку.

Она проходит несколько шагов, прежде чем остановиться и повернуться к нам с Рамзи.

— Ну? Чего ждём? Последнего поезда в Кларксвилл? Заходите. И псину заводите, раз уж притащили.

На противоположной стороне захламлённого склада обнаруживается узкая металлическая лестница, ведущая к платформе с перилами.

Доктор Преториус не ждёт, чтобы посмотреть, идём ли мы следом, так что я оглядываю пыльное помещение с высокими потолками, в котором мы оказались. Тут стоят коробки, кирпичи, мешки с цементом, приставные лестницы, доски, маленькая бетономешалка, кожаный диван, приподнятый с одного конца, и строительный контейнер с щебнем. Есть и всякие другие вещи: лошадиное седло, автомобильное сиденье, барные стулья, велотренажёр, здоровенная кофемашина для эспрессо и что-то размером с колесо от старинной кареты, лежащее на боку и полуприкрытое пыльным синим брезентом.

Рамзи тычет меня в спину и указывает на это.

— *Пс-ст.* Глянь на этот коптер-дрон!

Я, конечно, слышала про коптеры-дроны и смотрела на Ютубе ролики, как люди их испытывают и всё такое, но в жизни ни разу не видела. Я думаю о том, как Клем обзавидуется, если узнает, что я увидела такой раньше него. Потом я вспоминаю: мне нельзя никому рассказывать, что я была здесь.

Доктор Преториус говорит:

— ... мой зелёный молоток-волк — нравится он вам? Это называется патина, или вердигри. Означает «зелень Греции» со старофранцузского. Это карбонат меди, появляющийся из-за того, что медь окисляется на солёном воздухе. Прямо как Статуя Свободы. Но вы же знали это, не так ли?

Мы ничего не говорим, просто идём следом за ней по лестнице, то и дело с любопытством

оборачиваясь на склад и то, что могло быть — или, что вероятнее, не быть — коптером-дроном.

Доктор Преториус останавливается на вершине лестницы и оборачивается.

— *Не так ли?*

— Ну да. Конечно, — отвечает Рамзи, воодушевлённо кивая.

— Лжец! — рывкает она и мотает длинным коричневым подбородком в его сторону. Я замечаю, что седой ореол её афро-кудряшек дрожит, когда она говорит, и замирает, когда она замолкает. — Какова химическая формула карбоната меди?

Бедный Рамзи! Уголки его губ опускаются. Он, конечно, умный, но не *настолько* умный.

— Эм... эм...

Доктор Преториус снова поворачивается и шагает по металлическому пролёту, полы пляжного халата развеваются за её спиной.

— CuCO_3 , — бросает она через плечо. — Чему вас вообще учат в этой вашей школе, а? Всё самоуважение да глобальное потепление? Ха! Давайте, не отставать!

Мы семеним за ней следом, когти мистера Мэша клацают по металлическому полу.

У пары двойных дверей в центре длинной изогнутой стены доктор Преториус останавливается и поворачивается к нам лицом. Она глубоко вдыхает, а потом заходится в приступе кашля, который длится будто целую вечность. В какой-то момент она едва не сгибается пополам, надрывно

кашляя. Это немножко портит драматичность момента, но потом она прекращает, так же резко, как и начала, и выпрямляется. Её лицо немного смягчается.

— А! Нечего так пугаться, приятель. Я просто старею, вот и всё. Как тебя зовут?

— Р-Рамзи. Рамзи Рахман. Мэм.

Уголок её рта приподнимается, и она хмыкает.

— «Мэм»? Ха! Что ж, с манерами у тебя лучше, чем у меня, дружище. Пригласила вас к себе, даже толком не познакомившись. Значит, у нас тут Рамзи Рахман и...?

— Джорджина Сантос. Джорджи, если кратко. — Я не говорю «мэм». Не могу быть такой же невозмутимой, как Рамзи.

— Окей, Джорджи-если-кратко и Рамзи-мэм. Это была моя небольшая проверочка, ясно? Но с этого момента никакого вранья, ага? С этого момента я вам доверяю. Вы рассказали кому-то, куда пошли?

Мы с Рамзи мотаем головами и говорим хором:

— Нет.

— *He-e-e-ет*, — протягивает она, снимает очки с толстыми линзами и нагибается, чтобы поглядеть на нас странными бледными глазами. — Значит, мы договорились?

Мы оба киваем, хотя я совсем не уверена, что знаю, о чём именно мы договорились.

— Договорились, — одновременно отвечаем мы ей.

Явно удовлетворённая, доктор Преториус поворачивается и распахивает обе двери со стоном:

— Ну разве не шикарно? Мы с вами договорились! Добро пожаловать в будущее, мои маленькие синички! Ха-ха-ха-ха-а-а! — Её смех напоминает арпеджио, каждое новое лающее «ха» звучит выше предыдущего, под конец переходя на громкий визг.

Рамзи ловит мой взгляд и ухмыляется. Если доктор Преториус притворяется сумасшедшей, она явно переигрывает. Вот только... мне кажется, она не притворяется.

Мистер Мэш тихонько поскуливает. Он не хочет заходить в эти двери, и я прекрасно его понимаю.